

— Александр, вы как-то ушли, не попрощавшись. Что случилось с «Большим вопросом»?

— Канал РТР посчитал, что проект в его сетке неперспективен. У нас был договор на показ восьми пилотных выпусков. Мы отсняли восемь выпусков, РТР их показал. Тут у меня нет ни претензий, ни вопросов к каналу.

В интересах канала соблюдают некий компромисс: он должен показывать хорошие передачи, но эти передачи должны разумно стоить. У нас в каждом выпуске на 45 минут эфирного времени семь аттракционов. Это сложно в организации, сложно по сценарию, и это дорого.

— Конечно, ведь вы в своей программе пари заключали: может ли человек с вертолета в валенки прыгнуть — это же надо вертолет зафрахтовать плюс парашюты, и валенки купить еще надо...

— Мы вообще о чем программу делать собирались — о человеческих возможностях, а вовсе не о пари. Наверное, любой экскаваторщик может очень точно что-то своим экскаватором копать. А может он ковшом опустить букет цветов в хрустальную вазу и не разбить ее? Вот это — большой вопрос. На это смотреть интересно. И на человека с валенками интересно смотреть, и на Гагарина...

— Это когда он из космоса прилетел и у него сразу шнурок развязался, а вы спорили, на каком ботинке?

— В принципе если только про шнурок, то это глупость. Мне-то хотелось про другое поговорить. Вот если бы мне сказали, что у Гагарина, когда он шел от самолета к Хрущеву, шнурок не случайно развязался, а какой-то имиджмейкер это специально придумал, я бы этому имиджмейкеру поаплодировал. Потому что ведь народу нужно, чтобы его герой был человеком простым, родным. Так вот, более земной и человеческой штука, чем этот шнурок, для героя и придумать нельзя было. Хотя у Гагарина со шнурком, скорее всего, случайно получилось.

В первых передачах много было таких вот лирических отступлений. Про ДОСААФ, про то, как папа водил меня в Парк культуры, где стояли вышки парашютные. У меня тогда стали спрашивать: ты что, еще одну «Старую квартиру» хочешь сделать? А я не собирался делать «Старую квартиру». Просто хотелось, чтобы это было не совсем игрой.

— А у вас за то, что передача больше, чем игра, ругают?

— Просто говорят, что нет чистоты жанра. Вроде обсуждаем какие-то серьезные вещи, а потом заставляем людей в дудки дуть. Мне-то кажется, что человек должен так время проводить — сходить в консерваторию, по дороге из консерватории устроить конкурс с приятелем, кто дальше плюнет, прийти домой и напиться. Мне говорили: выбирай либо консерваторию, либо кто дальше плюнет. А мне кажется, оно вместе должно быть.

— В смысле Венедикт Ерофеев — ваш кумир.

— Вполне. Для телевидения это, конечно, край, но метафора правильная.

— К слову, о краях и центре. Странная штука с программой «Сто к одному». За что человек приз получает? За то, что ближе всех к стандарту. Он ведь должен угадать общественное мнение. Люди, конечно, на программу приходят умные, а оригинальному человеку усредниться тяжело, но все-таки выигрывает тот, кто заставляет себя думать, «как все».

— Когда передача появилась, все хором сказали, что она для самых глупых, скучных и тривиальных людей. То есть чем банальнее ответ, тем ты ближе к выигрышу. Тогда мы, чтобы защититься от нападков, придумали отговорку: в игре побеждают те, кто разбирается в психологии массового сознания. У нас игра психологов! Кстати, когда-то

на вопрос «известный английский писатель» человека три из опрошенных на улице ответили: Джек Лондон. По принципу Лондон — столица Англии, Джек Лондон — их местный писатель. А еще самым известным украинцем называли Лукашенко. Человек пять из сотни.

— Сами телевизионщики говорят, что телевидение ориентируется на интеллектуальных «троечников». Может, все-таки не работать для среднего человека, а воспитывать зрителя?

— Я бы не рискнул никого воспитывать. Для этого надо чувствовать, что имеешь право. Это довольно утомительно — вычислять среднестатистический интеллект и на него ориентироваться.

— Такая бутылочка.

— Именно. Смотреть на это было безумно интересно. В конце камера еле-еле движется, почти остановилась, и человек уже лезет в кадр, потому что знает: вот он — автомобиль. Если разыгрывать кофеварку, на лице не будет такой гаммы чувств. А камера дальше едет. Там подписчик был хороший. А зритель — он ведь внутри камеры. Он видит все эти вытянутые лица, идиотские эмоции. Вот где жадность-то. Это длилось всего десять минут. Но оторваться невозможно было.

— Это потому, что призы на халяву. С вами бы так!

— Я, вообще-то, человек не азартный. В сложные карточ-

помню кавээнзовскую атмосферу. И она мне кажется лучше современной. А это значит, что наступает старость...

— Старость — не радость. А у вас на передачах все еще смешно.

— В каком-то журнале про меня тоже написали, что я дяденька-хохотун. Моя жена очень веселилась по этому поводу! Я в гостях всегда силлю. Жена говорит, что ей стыдно со мной ходить. «Саша так устал, все время засыпает в углу».

— Вы ведь над игроками подшучиваете?

— Я и с друзьями так же себя веду. Жену все время спрашивают, не устает ли она от моих ехидных интонаций. К ее чести, она отвечает, что не устает. Ерничанье, собственно, не в

Однажды Александр Гуревич привел в свою студию натуральную свинью и заставил смотреть на звезды. Свинья смотреть не захотела. Оказалось, у хрюшек нет специального хрющика, который позволяет поворачивать голову к небу. Так и не узнав поставщица свинины, почему глупые люди «называют эти плевычки жемчужинами». Нет хрюща — нет и романтики. Семь лет в «Устах младенца» Гуревич задавал вопросы детям, получая на них мудрые ответы. Когда младенцы выросли и поскущели, он придумал новую игрушку — в программе «Большой вопрос» заставил взрослых отвечать на детские вопросы. А в новом сезоне смешная программа Гуревича с экранов исчезла. С большим вопросом мы пришли к отцу-основателю

СВОЯ ИГРА

АЛЕКСАНДРА ГУРЕВИЧА

Новая газета, 2001-12-14 № 17
Человек, которому нравится смотреть на то, что он сам делает

По счастливому стечению обстоятельств, передачи, которые я делаю, не только деньги приносят компании, но и удовольствие мне доставляют. «Сам себе режиссер» — люблю смотреть, смешно. В «Двух роялях» есть ощущение джема. Когда музыканты, забыв, что это игра, начинают петь вместе. И тогда есть кайф от этого совместного, тут рождающегося творчества.

— Помню, как Пенкин пел с Ренатом Ибрагимовым.

— В лучших выпусках такое бывает. «Своя игра» сейчас отличная получилась. Там теперь, кроме яйцеголовых, «знатоков энциклопедий», играют люди случайные. И пытаются их обыграть. То есть я раньше не понимал, что спросили. Я и сейчас не понимаю, а вот он, с улицы, понял и ответил быстрее яйцеголового.

— А сейчас возможна передача без денежных стимулов?

— С одной стороны, призы — дань моде. С другой — дополнительная драматургия. Не обязательно нести призы в студию. За кадром ведь остается, что, скажем, в чемпионате России по футболу за выигрыш даются какие-то деньги. Можно придумать игру, в которой вообще не будет процесса, — будут только деньги. Мы, кстати, делали такую игру с Пельшем в качестве ведущего. Еще до того, как он стал угадывать мелодии. Ставили круглый стол. В центре — камера, которая может вращаться вокруг своей оси. Раскручивали камеру, она и была стрелкой. На кого камера покажет, то есть чей портрет попадет в кадр, тот выигрывает автомобиль.

ные игры не играю. В преферанс, например. Предел моих умений — «Кинг».

— Вы часто приглашаете на программы кавээнщиков. Это кастовая солидарность?

— Ну нет, участники моих программ не обязательно должны быть кавээнщиками. Таня Лазарева была на «Большом вопросе» и на «Устах младенца» наверняка была. Просто среди телевизионщиков сегодня много тех, кто прошел КВН. КВН действительно кадры кует.

— Юлий Гусман тоже говорит о кавээнзовской школе. Что за школа такая?

— За партами никто не сидит, конечно. Просто это дух такой особый, атмосфера. КВН — это студенты. В основном из технических институтов. Это хороший социальный слой. Не бегемота, не выпускники церковно-приходской школы. Техническая интеллигенция. В этом есть какое-то чувство меры — не интеллигенция вообще, а техническая. Такие люди должны быть на экране, потому что они понятны и симпатичны всем.

— А я всегда переживала за народное хозяйство. Сколько же страна потеряла инженеров и прорабов.

— Наверное, самую правильную вещь сказал Андрей Кнышев: «Не знаю, приобрело ли что-то телевидение, но строительство точно ничего не потеряло». Я успел после МИСИ три года поработать в строительстве. И люди вокруг как-то сразу поняли, что я не очень строителем. Даже разрешил днем спать за кульманом. Вообще, хорошее было время. Я не помню конкретных сюжетов,

адрес этих людей. Это такая клоунада.

— А может, это новая традиция такая — быть циничным? Вот Парфенов свои «Намедни» со «Старой квартирой» сравнивал. Мол, у них — сопля, а у него — здоровый и циничный взгляд на жизнь.

— Выяснилось, что с циниками проще договариваться. Они обычно не подводят. А вот циничность прессы иногда умиляет. Заметка о том, как из окна какого-то дома выпала пенсионерка, с заголовком: «А старушки все падали и падали». Отлично — вспомнили Хармса. Но вообще это — свинство.

— А как, по-вашему, вообще нужно жизнь отражать?

— Человеческий мозг, во всяком случае мой, не в состоянии вместить столько негатива. Земля вообще-то большая, и если я узнаю про все катастрофы, которые на ней ежесекундно происходят, мне придется накрыться простыней и ползти к кладбищу. Пожалуй, дозируйте для меня негативную информацию. Не все для меня как потребителя не только новостных сюжетов, но и покупателя обуви и плавящихся сырков одинаково важно.

— К вопросу о плавящихся сырах. Вы едите продукты, которые рекламируете?

— Я вообще потребляю множество разных продуктов. В частности, в пищу. Только делаю это не потому, что я их рекламирую. И рекламирую не потому, что ем. Это приятное совпадение.